

Равнодушие и схоластика

Академия педагогических наук не интересуется школой

Ф. ВИГДОРОВА

На севере, в далеком становище, где прежде и не слышали о грамоте, и в горном ауле, и в глухом уральском селе — повсюду, в больших городах и не наметавших на карте селениях, учатся наши дети.

В сибирском селе Степановка учит ребят старшая учительница Мария Васильевна Добрымылова, в далекой Ахассин сорок лет преподает Федор Васильевич Кошелев, в украинском селе Оботове Мария Бирюкова Иванова за последние годы работы не оставила на второй год ни одного ученика. Сколько за этим упорного труда, сколько подлинной любви и творчества, сколько исканий! Труд учителя — это чудесная, умная работа, требующая громадных душевных сил, зоркости, пронырливости, и многие, многие люди, посвятившие себя этому святому труду, работают горячо, самоотверженно, поистине вкладывают в свое дело всю душу, подчас даже не подозревая, что они открывают новые, еще не изведанные пути в воспитании, обучении и познании ребенка.

А надо, чтобы они знали это, чтобы могли поделиться друг с другом хорошей мыслью, новой идеей, надо, чтобы открытие одного обогащало всех. Но каким образом учителя в Сибири узнают, что делается в московской школе? Как педагогическую мысль узнать о том интересном и важном, чего достиг учитель в Сибири? Кто изучает их опыт и на его основе подбирает всему советскому учительству новые пути, новые методы работы?

Естественно, обращаешься мыслями к Академии педагогических наук: вот кто должен по крупицам собирать драгоценный опыт, отбрасывать его повсюду, — потому что повсюду работают учителя — инженеры детских душ, — обобщать этот опыт и открывать новые перспективы школе, педагогу.

Академия педагогических наук была организована более четырех лет назад. Для того чтобы она могла широко развернуть свою деятельность, ей была придана сеть институтов: институты теории и истории педагогики, методов обучения, психологии, дефектологии, художественного воспитания и т. д. Всего 7 институтов — многочисленный — в 555 человек — армия научных работников.

Основание академии стало радостным, знаменательным событием. Создание специальной Академии педагогических наук снова подчеркивало: в нашей стране все должно быть сделано во имя ребенка, будущего человека, для того, чтобы на родолюбивом труженике и полинном зодчим коммунистического завтра. Но для этого должна неустойчиво творчески работать и советская педагогическая мысль.

Не сразу могли выйти в свет первые труды академии: каждая область науки требует кропотливого, углубленного исследования. Но теперь можно поздравить первые итоги.

В списке монографий, изданных Академией педагогических наук, 15 книг. Среди них: «Возрастные особенности трудовой жизни», «Глаз и его работа», «Ночное зрение», «Шарта», «Восстановление движений». Слов нет, все это важные темы. Многие из названных работ по-настоящему хороши и интересны. И однако этот перечень вызывает тревожащее чувство. Ведь если прислушаться к тому, о чем говорят педагоги, что их волнует, то сам собой складывается совсем другой список.

Как вести действенно-педагогическое воспитание учащихся? Как воспитывать сознательную дисциплину? Характер? Как развивать материалистическое мировоззрение? Как воспитывать патриотизм, интернационализм? Как создать правильную, тесную связь и взаимную помощь семьи и школы? Как строить внешкольную работу? Как должен работать классный воспитатель? И еще десятки подобных вопросов волнуют учителей. Ни одна из этих крупных педагогических проблем за четыре года не решена в стенах Академии педагогических наук.

Чувство недоумения усиливается, когда знакомимся с издаваемой академией педагогической библиотечкой учителя. Тут 33 книжки — об общем счете, о том, как повторять курс физики в 10 классе, как преподавать рисование, хоревое пение... Опять-таки, темы нужные, они принесут учителям несомненную пользу, но разве могут они заменить книги по теории педагогики?

Среди 33 книг только одна посвящена воспитательной проблеме — книга Э. П. Мовсозона «Воспитание сознательной дисциплины учащихся». За каждым теоретическим положением в этой книге следуют

доказательства, но среди этих доказательств нет самого убедительного: «Я видел», «мой опыт мне подсказывает». За каждым положением следуют цитаты из журналов и газет, иной раз десятилетней давности.

Неоспорительное наблюдение — что может быть дороже для ученого, для исследователя в любой области? То, что видишь и слышишь сам, некая зацепка к чему. Посещать и описывать уроки — это, конечно, еще не научное исследование, это лишь далекие подступы к нему. Но когда и этого не делают, когда все берется из третьих рук, из чужих статей, понаслышке, тогда уже просто не приходится говорить о научном исследовании: всякая теоретическая работа, созданная на такой основе, останется схоластической, мертворожденной, и она ничего не даст тому, ради кого написана, — ничего не даст учителю.

Институт истории и теории педагогики подготовлена в печати работа члена корреспондента Академии педагогических наук Н. А. Рудика «Воспитание воли и характера».

«...В деле воспитания воли, — читаем мы в этой рукописи, — мы должны всемерно добиваться интенсивного протекания связанных с волевыми действиями предпосылок во всех их связях и взаимоотношениях, т. е. это является необходимым условием воли».

«При всей своей обусловленности, — читаем далее, — биологическими особенностями организма, проявления темперамента допускают в значительной степени возможность сознательного контроля, что и позволяет развивать их в должном направлении».

Как «добиваться»? Как «развить» в должном направлении? Ответа нет. Рукопись полна словесной шелухи, сухих рассуждений. В них нет ни школы, ни детей, нет запертого сознания, увлеченного своим делом автора, нет души. Это холодно, сухо, казенно, банально.

Вопросы внешнего воспитания, профессиональной и комсомольской работы все еще остаются пасынками для Академии педагогических наук. К началу 1945 года в Институте истории и теории педагогики кристаллизовались пять тем, посвященных профессиональной и комсомольской работе в районе, но до сих пор еще ни одна из запланированных трудов не увидела света! А те работы, которые подготовлены к печати, в точности повторяют недостатки, преступные качества Э. П. Мовсозона: факты, вытиснутые из третьих рук, и цитаты, цитаты... в та же категория должностности: «надо», «необходимо», «важно», — а как сделать, чтобы было как надо?

Да, конечно, готовых рецептов в деле воспитания не может и не должно быть. По этому же замечательный советский педагог А. С. Макаренко не боялся во многих случаях говорить свое твердое «да» и «нет», что-то решительно утверждать, а что-то отвергать? Почему он не считал, будто практическим советом в деле воспитания можно унизить педагогическую науку? Макаренко говорил, что нельзя наше учительство держать на постоянной пище кабинетных, абстрактных рассуждений. Книжки по педагогике должны отражать жизнь школы — живую, горячую, бытовую, ключом. Но то, что вышло в свет из недр Академии педагогических наук, оказалось именно такой постоянной, несдобной пищей. Обращение этому печальному положению одно: педагогическая теория страшно далека от школы, от учителя, от детей.

В «Литературной газете» (№ 43, 1948 г.) практический работник — школьный инспектор И. А. Номинд — говорит о том, что Академия педагогических наук — это келейное учреждение, оторванное от школы дальше, чем от Северного полюса. Это справедливый упрек. Перед нами план работы академии на 1948 год. В этом плане нет крупных исследований, которые двигали бы вперед советскую педагогическую науку; многие темы названы и несущественны, лишены жизненного, практического значения.

Как известно, цифры иной раз бывают красноречивее слов. Вот что говорят о деятельности Академии педагогических наук некоторые цифры: из 72 действительных членов и членов-корреспондентов только 41 по плану 1948 года занят разработкой отдельных тем и проблем.

За 4 года член академии проф. А. Я. Хинчин написал 2 печатных листа «О формализме в преподавании математики» и подготовил еще одну работу в 3 печатных листах. Старший научный сотрудник Института теории и истории педагогики В. К. Боровикова за 4 года написала две работы, объем которых составляет три с половиной печатных листа.

Мягко, очень мягко говоря, этого мало. Сашиком дорого обходится государству каждая строчка этих научных трудов, слишком скупо производится на свет эти строчки. Конечно, научные труды измеряются не килограммами вешенной бумаги, а все же значение темы, удельный вес выкладки или статьи должен находиться в каком-то пропорциональном соответствии с затраченными на него временем и средствами. Ведь бюджет Академии педагогических наук в одном лишь 1947 году составил ни много, ни мало — 36 миллионов рублей!

Педагогическая наука должна проверяться практикой — опытом жизни и школы. В основе работы каждого из полутысячи сотрудников академии должен лежать глубокий и всесторонний учет того, что происходит в школе. Надо, чтобы актив учителей при академии являлся не единичным, а тысячами. Нельзя, неопустимо, чтобы лучшие учителя, практические работники оставались в стороне от науки, чтобы она не интересовалась ими, не слышала настоятельного голоса жизни.

Тысячи ребят учатся в ФЗО и ремесленных училищах. Работа с этими детьми требует новых форм, потому что в таких учебных заведениях условия не те, что в обычной средней школе. Заинтересовалась ли Академия педагогических наук этой темой? Нет. «Почему?» — спросили мы в Институте теории и истории педагогики секретаря партийной организации тов. Шабалова и услышали чудовищный ответ: — Это не по нашему ведомству.

Каким капитальным спортивным залом вместо живой человеческой души надо обладать, чтобы проявиться такой! Спрашивается, к какому же ведомству относятся ребята из трудовых резервов? Что же они, не дети? О развитии, о воспитании, о будущем всех советских детей обязаны думать и заботиться в педагогическом «ведомстве».

Другая проблема: раздельное обучение. Печальное множество вопросов возникает в связи с этим у учителей.

И вот люди ищут, пробуют, нередко ошибаются. А какие ответы, какую помощь могут они найти в серии библиотечки учителя или в журнале «Советская педагогика»? Ничего, решительно ничего!

Еще насущный вопрос: вот уже сколько лет в советской школе проводится экзамены, в частности серьезные, ответственные экзамены на аттестат зрелости. Как нужно их строить, как готовить к ним учащихся? Тут еще много нерешенного, спорного. А с другой стороны, опыт накоплен богатый и интересный. Почему он до сих пор не обобщен?

Любопытная и многозначительная деталь. В плане Академии педагогических наук, который занимает 103 страницы, только однажды упоминается имя А. С. Макаренко, да и то в связи с изданием его собственных сочинений. Во всей Академии из 555 ее сотрудников только один человек занимается наследием этого замечательного педагога — его вдова Галина Степановна Макаренко. Никто не разрабатывает начатого им, никто не пытается уяснить, что именно устарело в его наследии, как связанное с определенными историческими этапами, и что приобщает его сегодня, никто не осмысливает его великодушную работу и талантливых прозрений в свете тех новых задач, которые ежедневно, ежечасно ставят перед педагогикой школы. Наследство замечательного советского педагога отнесли из сегоднейшей жизни в историю педагогики, в историю на то, что Макаренко живет и в наши дни боевой, страстной жизнью. А его изучают наряду с педагогическими воззрениями протопопа Аввакума! В этом тоже выразилось оторванность Академии педагогических наук от жизни.

Почему Академия педагогических наук ничего не создала за четыре года? Почему она превратилась в стороннего, домашнего наблюдателя и далеко отстала от непосредственных участников и творцов школьной работы?

Советская школа и учительство ждут от Академии педагогических наук, от ее президента И. А. Бакурова ответа на этот вопрос.

(Сверху) 120 тысяч молодых специалистов, окончивших в этом году высшие учебные заведения страны (на 48 тысяч человек больше, чем в прошлом году), пополнили кадры промышленности, сельского хозяйства, органов просвещения и здравоохранения. Почетное место среди них займут будущие учителя сельских школ. НА СНИМКЕ: Выпускники-отличники Ардальского учительского института Узбекской ССР (слева направо): А. Ганиев, С. Мухомов, Ф. Тимуров, Х. Мусево, М. Ташходжаев. По окончании института они будут работать в сельских школах республики. Фото С. Виноградова (ТАСС).

Л. ПАСЫНКОВ

ФЕЛЬТОН

В поисках здоровья

Два литератора — пишущий здоровьем и хворый, искушенный — сидели в уютной комнате в Серебряном переулке и пили чай (с мандариновым джемом). Беседовали они о том, что неожиданная концовка всегда украшает любое произведение литературы: они сошлись на одном — концовку надо приготовить уже тогда, когда автор впервые окузнул перо в чернила.

Соснуясь бесенных копчиков Крылова, Дмитриева и Лениниера, не обиделись выманным манеру О'Генри и осудили его за механические эффекты.

— Что же вы морщитесь? — осведомился здоровый литератор. — Надеюсь разговор? О, что вы! По вот беда, как только увлекусь интересной беседой, шея дергается, затылок наливает тяжестью.

Здоровый покачал головой: — Инерция сосудов мозга! Посоветуйтесь с невропатологом. Несомненно, он вам предложит Д'Арсонваль на шейные позвонки и шейные узлы.

Знаменитый невропатолог согласился насчет позвонков и узлов и прописал Д'Арсонваль.

— Вы, люди умственного труда, — говорил он, — должны себя осажать дома за письменным столом. Приобретите ручной аппаратик — и дело в шляпе.

Заведующий физиотерапевтическим кабинетом, куда литераторы направились невропатолог, похмул вслух: У него, мол, свой аппарат, но дать на длительное время не может. Эти вещи так редки! Кажется, таким умушкому обладает его товарищ-врач. На другой день литератор узнал, что наклеивавшийся уникум, увы, сломался. Зав. кабинетом посоветовал:

Толкнитесь по министерствам СССР и РСФСР. Записитесь солидной бумагой вашего учреждения. Вель Д'Арсонваль — не ларчик, который просто открываешь и просто дается в руки.

Машинистка отпечатала бумажку — обращение в Министерство здравоохранения СССР, куда литератор предварительно и позвонил.

— Вас слушает министерство, — любезно ответил женский голос. — Само министерство аппаратурой не занимается, ею занимается Главное управление медицинской промышленности. Звоните Кры-вотуричскому, 5, номер 1.

Главное управление медицинской промышленности отозвалось мужским голосом:

— Д'Арсонваль? Понятия не имею! Удивительно, что я не осведомлен! Я еще многого не знаю! Позвоните к заместителю министра. Он с вами поговорит, а я выдвину вам не стану. Ах, уже поговорил с секретаршей зам? Звоните тогда к начальнику технического отдела тов. Хейфецу! Запишите телефон...

— Думаю, вам лучше всего звонить прямо в Медицинское управление, — доброжелательно сказал тов. Хейфец. — Запишите телефон тов. Эдлеса. Вообще возможно, что он для вас кое-что любезно и выделит.

Тем временем литератор позвонил в управление делами Министерства здравоохранения РСФСР.

Секретарша обиделась: — Разве об этих машинках звонят к министру? Позвоните в главк министерства — Росгавмедснаб. Запишите телефон...

— Какой же мы вам дадим аппарат, — провозгласил ехидный вопрос из Росгавмедснаба, — если у нас только медицинские! Запишите-ка номер телефона и прямо звоните в Медоборудование.

— А в Медоборудовании знают о Д'Арсонвале?

— Да вы понимаете, что спрашиваете? Вель там все оборудовано, все медицинские аппараты, там и мышь не пробегает мимо Д'Арсонвала. Кстати, там, на Колобовском переулке, толковый рабочий — товарищ Орлов, человек огромной практики. Прямо стучитесь к нему.

На звонок литератора отозвался сочный, исполненный мужской голос:

— Говорит начальник отдела физиоаппаратуры Орлов. Ах, вы о Д'Арсонвале! Сейчас, в данную минуту, в Москве никто не знает ни в одном месте не приборет. Нет в продаже! Эти аппараты — фондированные и в виду острого недостатка в магазинах не поступают. Был бы бычок, — совсем иной разговор, а то нет!

— Помогите, тов. Орлов душевно сказал: — Все фонды на второй квартал выделены неликом по республикам и областям, — единственная ваша надежда на третий квартал. Имея наряд, прямо к нам и обращайтесь. Советую — приложите заранее требование. Возьмем на учет. Вы палаты на верный адрес: нам и звоните. Есть?

— Есть! — безлазно ответил литератор и позвонил в Министерство здравоохранения СССР.

— Наряд будет? Если будет, звоните прямо на завод электротехнической аппаратуры: Большой Пиколо-Воробьевский переулок, 9/11, телефон... Директор Матов, Оттес-

ся чутко, в особенности — при наряде. Прямо набирайте Матова.

Секретарша товарища Матова участливо попросила рассказать подробнее — хотя что еще подробнее можно поведать о машинке Д'Арсонваль? — и спросила: — А наряд у вас есть?

— Есть бумажка.

— Бумажка бумажка — рознь! Полагаю, такое дело может разрешить только наш коммерческий директор тов. Хайкин. Звоните без стеснения. Он человек отзывчивый. Вот номер телефона. Наберите Хайкина...

Коммерческий директор отнесся сочувственно, но сам, к сожалению, помочь не мог, зато посоветовал:

— Вы знаете, как набирают товарища Крючкова? Она у нас заведующая сытом заводской аппаратуры. Вот вам телефон, наберите Крючкова и действуйте вообще смысле...

... Никим образом и совершенно не так! — холодно отпаривала тов. Крюкова и учительно прибавляла: — Где же вышло, чтобы производство пропало через Меднастрumentбыт. Обратитесь к контролеру. Ей след аппараты, и контролер реагирует по разрядкам. Звоните и прямо получите Эдлеса.

Тов. А. И. Эдлес совершенно демократически быстро оформил бумажку, — приложил еще сейчас. И литератор немедленно устремился на Брыковленский переулок, в Медицинское управление, где и узнал, что тов. Эдлес отбыл.

В уютной комнате, украшенной меланплатурой, за столом сидел зам. директора тов. Вайштейн. В документ, украшенный фирменным знаком и многогранной лиловой печатью, зам. директора отнесся, правда, с солидной мурмуром, но с достаточной снисходительностью. С минуту он думал. С минуту бало сердце посетителя, точно сердце коснулось электрод Д'Арсонвала. Затем зам. директора позволил, справился о наличии аппаратов, скупил повеления в воздухе карандашом и все же, поборов скарденность, начертил в углу документа:

«Магнитофон № 1, тов. Генделеву. Прочту отпустит».

Итак, спасительная бумажка подписана, и бедный посетитель, держа документ в руке и поминутно заглядывая на него, как выглаженный ребенок на прищип, поспешил в магазин.

В магазине «Медицинское оборудование» на Валовой улице он подошел к полкам, над которыми вышито золотыми буквами «Демонстрационный отдел».

На литератора сверкнула стеклом Д'Арсонваль «120, 220». Паспорт сообщал, что машинка вышита в свет в Москве, Главным управлением, заводом электротехнической аппаратуры «ЭМА».

Голова закружилась, ноги подогнулись. Литератор молниеносно взглянул на продавец:

— Бумажку опустить прямо через министерство СССР? Или еще прямее — через министерство РСФСР?

— Если покупаете за наличные, — сказала продавщица, — платите в кассу.

Простотой и безностью ответа литератор, обладавший вкусом, был оскорблен. Судя по его виду были инвентаризованы и маркированы в высшей степени. Как так? Просто в кассу? А для министерства, а Главупремпро, а Росгавмедснаб? А Медоборудование, а Медицинструментбыт? А отдел физиоаппаратуры? А завод с его двумя директорами и с его забвением? Нет, тут, в кассе, ощущалась явная заплата!

— Что ж, заверните! — провозгласил литератор и глубоко вздохнул, прикрыв глаза и заметив фаталистически: — А я и не знал, что есть, что существует в Москве единственный островок спасения — ваш магазин!

— Почему же единственный? — возразила продавщица. — Есть и на Арбате, угол Серебряного... вообще продается в магазинах...

За столом, сервированным банкой мандаринового джема, машинкой Д'Арсонваль, ванильными сушками, а также другими предметами гостеприимства, хлудный литератор говорил здоровому:

— Вот вам и концовка моих поисков! Каюсь, написал много романов, а человек, рукоприкладство только силой привычки и полностью равнодушием к близким, плохо знал. Вот теперь другое дело! Теперь, когда ко мне проявляют заботу, я настоятельно и живу, живу конча. Теперь-то я хорошо понял, что солидность, авторитетность и непрекращаемое «вспашение» не стоят и ломаного гроша, если не сопровождается простым знанием дела, добросовестной осведомленностью, желанием действительно быть полезным.

Это принадлежит детям!

ВОПРЕКИ РЕШЕНИЮ ГОРИСПОЛКОМА

Нам школьный детский дом № 6 в городе Новочеркасске воспитывает 130 детей погибших воинов.

Организован он всего лишь 10 месяцев назад в те годы, когда бывшие школы глухонемых, в детском доме нет изолятора с отдельным входом. Не имея комнаты для игр, дети большую часть дня проводят в коридоре. А, между тем, во дворе детского дома имеются два флигеля, занятые посторонними жильцами.

Осенью 1947 года, когда проходил смотр готовности детского к зиме, горисполком вынес решение о передаче нам двух флигелей во дворе под изолятор и служебные помещения. Решение это не выполнено. Начальника жилищного управления тов. Тариченко для нас беспомощен.

После долгих наших хлопот горисполком вынес второе решение. В отличие от первого, на этот раз было намечено в 20 апреля с. г. передать нам только один флигель.

Какова же судьба этого второго — третьего — решения?

Во флигеле живет подполковник в отставке Лях. Он попросту отказывается освободить помещение. Все местные организации весьма почтительно к нему, и подполковник, чувствуя это, считает себя хозяином во дворе. Он даже не разрешает в часы своего отдыха детям играть во дворе.

Мы уважаем заслуги подполковника и понимаем, что ему нужен покой, но необходимо постигнуть и воспитанниками, которые в нашем детском доме наши свою родную семью и хотят весело жить, учиться, иметь комнаты для игр, занятий.

Заведующий учебной частью детского дома Е. ШВАРЦЕНБЕРГЕР

Посетители редакции рассказывают

Нужна беспристрастная экспертиза

Инженеры А. Н. Журавлев и М. И. Амеличенко приехали из Гомеля. Они вынуждены были срочно прибыть в столицу, ибо возмущение их дело вступило в такую стадию, когда дорог каждый день.

А дело это, несомненно, заслуживает общественного внимания. Вот в чем оно суть.

Отступая из Гомеля, немцы взорвали крупнейший в Белоруссии элеватор. Его железобетонный корпус, высотой в двадцатидесять метров, сместился с фундамента и накренился под углом в 20 градусов.

Главный инженер Гомельского строительного-монтажного управления тов. А. Н. Журавлев оставил еще в 1946 году оригинальный, технический проект восстановления элеватора.

Замысел был разработан до деталей, воплощен не только в чертежи, но и в модель. Автор привез ее в редакцию «Литературной газеты» и наглядно продемонстрировал процесс восстановительных работ.

Эксперт научно-технического совета Министрства заготовок тов. М. Г. Головин дал положительную оценку. В июле 1947 года оно было одобрено техническим советом.

Казалось бы, — все?

Увы, нет!

В «Промышленности» нашлись сомневающиеся. Это были авторы нескольких заводских рапортных проектов.

Пользуясь тем, что своя рука — владыка, они отложили в сторону решение технического совета министерства и приняли решение разработать еще один вариант восстановления элеватора, используя для этого новейший опыт США.

Закончив в текущем году свой пятый вариант, они решили окончательно доказать свою точку зрения на восстановление Журавлева и послали его снова на заключение эксперту, но уже не Головину, а своему постоянному эксперту профессору Бушкову. Последний был избран именно потому, что за две недели до этого не кто иной, как он, одобрил последний вариант «Промышленности».

Соперники Журавлева не ошиблись! Заключение второго эксперта было диаметрально противоположно заключению первого.

Оба проекта поступили снова на рассмотрение технического совета, где инженер Журавлев был предоставлен «широкая возможность» высказаться в продолжение... 15 минут. Казалось бы, поскольку Журавлев доказывал, нужно было пригласить на заседание и эксперта М. Г. Головина. Его, однако, на заседание не вызвали. Быстро переключив первое решение, текстов отдал предпочтение своей министерской точке зрения, приняв ее вариант, резко уродующий стоимость восстановительных работ и, главное, затравивший сроки их выполнения.

Никто не попытался серьезно, глубоко выслушать экспертов, высказавших совершенно противоположные точки зрения по поводу одного и того же проекта; никто не возмущался — почему задержался на год реализация одобренного техническим советом предложения Журавлева.

Возрождение огромного элеватора — сложная техническая задача. Откладывать ее решение нельзя. Инженер Журавлев, а заодно с ним — главный инженер по техническому надзору за строительством тов. Амеличенко, глубоко уверенные в реальности отложенных уже одобренного проекта, требуют, чтобы он был серьезно и беспристрастно обсужден.

Окружное совещание армейских писателей

Газета Северо-Кавказского военного округа «Красное знамя» провела на днях окружное совещание начинающих армейских писателей. Участники совещания заслушали доклады и лекции критика И. Брылянского — «Решения ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве и задачи советских писателей», кандидата филологических наук А. Костанова — «Пути развития советской поэзии», редактора газеты «Красное знамя» полковника Мельниченко — «Задачи армейских писателей» и другие.

В работе совещания приняли участие члены Ростовского отделения ССП — писатели В. Фоменко, А. Фарбер, В. Жак. Они руководили работой семинаров по прозе и поэзии. На семинарах были подведены итоги: капитана Райкова, ст. лейтенанта Климова, стихи ст. сержанта Болдырева, сержанта Ладонкина, рядового Черепанова и других.

НЕОТЕКТОНИКА

Учение о новейших движениях земной коры

Когда и как возникли океаны, образовались материки, какие силы управляют жизнью нашей планеты? Эти вопросы с незапамятных времен интересуют людей.

Исследовавшие геологическую «сметку» Кавказского хребта, ученые пришли к заключению, что в этом районе сейчас происходит неравномерное поднятие всей горной системы. Высочайшая гора — Эльб — в Баку, подтвердила эту мысль. Древняя береговая линия Каспия поднимается здесь в год на 20 см. Максимальная величина поднятия за 20 лет достигает 36 сантиметров и точно совпадает с продолжением оси главного Кавказского хребта.

Одновременно археологи обнаружили, что каменоломня, которой пользовались 1500 лет назад во время постройки Дербентского дворца, находится сейчас на дне Каспийского моря (на глубине 5-7 метров). Это уже служит показателем вовсе не поднятия, а погружения участка суши. Чем объяснить такое противоречие?

Основываясь на геологическом исследовании Сибири в Европейской части СССР, академики В. А. Обручев и А. Н. Шукнина в В. В. Ламакина, организовала всесоюзное совещание, посвященное изучению новейших движений земной коры.

Совещание вызвало большой интерес среди ученых. В его работах приняла участие представительница 80 научных учреждений страны. На сессии выступили крупнейшие ученые Союза — академики В. Н. Сукачев, В. А. Обручев, А. Н. Заварицкий, проф. Н. Н. Зубов, проф. В. А. Варсанюфьев и другие. Было заслушано 19 докладов.

По предложению академика В. А. Обручева, совещание присвоило учению о новейших движениях земной коры название неотектоники, выделяя его, таким образом, в самостоятельную ветвь геологической науки.

Совещание решило, что разработку вопросов неотектоники надо вести объединенными силами ученых различных отраслей знаний. Намечается организовать комплексные работы в наиболее активных в тектоническом отношении районах.

Великий геолог, географ, геодезист, сейсмолог, геоботаник, археолог и других ученых позволили профессору И. И. Николаеву нарисовать общую картину этих движений. По его схеме, новейшие движения земной коры имеют сложный колебательный характер и происходят на всей поверхности материков и на дне океанов. Поднятие земной коры в одном месте соответствует опускание ее в другом.

Теперь становится понятным, почему старая дербентская каменоломня погружалась на дно Каспийского моря.

Особый интерес представляет работа профессора В. В. Белоусова, установившего общие законы колебательных движений земной коры и нарисовавшего картину этих процессов в прошлом и настоящем.

Но как же великие достижения наших ученых, многие важные проблемы, связанные с новейшими движениями земной коры, остаются пока неразрешенными. В частности, антропогенные давно установлено, что Австралия была заселена индонезийскими племенами еще в те времена, когда не существовало мореплавателей. Как они попали туда? Быть может, когда-то индонезийские острова и австралийский материк были соединены сушей, позднее опустившейся на дно океана?

Пресноводные породы рыб, которые встречаются в Амуре и для которых соленая вода является абсолютно нежизненной средой, попадаются также в реках Сахалина и Японии. Каким путем они перебрались туда? Основываясь на исследованиях советского ученого проф. Г. У. Ляндберга, можно предположить, что русло Амура некогда проходило по суше, соединявшей материк с Японскими островами в Сахалином.

Дальнейшая разработка вопросов новей-

В прошлом веке в русской литературе произошел знаменательный спор о смерти и бессмертии и о возможности счастья для человека. Этот философский спор отнюдь не страдал отвлеченностью. Напротив, как это было вообще характерно для русской литературы и для русской философии, он оказался неразрывно связанным с самыми острыми вопросами современности.

Точку зрения передовой части общества высказали революционные демократы. Белинский писал, что только тот счастлив, кто видит свое бессмертие в борьбе за светлое будущее, кто не теряет из виду путеводной звезды, указывающей на цель этой борьбы, и кто всегда верен призыву: «Борись и погибай, если надо: блаженство ждет тебя, и если не ты — братья твои наследуют ему». Эту мысль порою развивал Чернышевский в романе «Что делать?», пропущенному безбрежной верой в то, что «будущее светло и прекрасно» и что нет и не может быть большого личного счастья для человека, чем борьба за это будущее.

Нужно, прямо противоположную точку зрения проповедывал Достоевский: человеку не даст радости мечта о грядущих «хрустальных храмах» свободы, человек не хочет дожидаться «всобщего счастья», не хочет «узнавать кому-то будущую гармонию», а хочет жить только для себя самого.

Так столкнулись две враждебные друг другу точки зрения на человека и на человеческое призвание. Одна из этих точек зрения означала примыкание к борьбе против реакции, другая — призыв кинуться вперед перед реакцией. Забыл об этом споре, нельзя понять многого в творчестве молодого Горького: он вошел в литературу как ближайший наследник революционной демократии и как враг ее врагов.

Выражая в «Песне о Соколе» и в других своих произведениях идею беззаветного служения народу, Горький провозгласил и развивал самые лучшие традиции русской литературы. Было бы поучительно проследить, как рос этот пафос от дерзновенного «А он, матеиний, простит буря, как будто о бурях есть покой», через красновское: «Буря бы грянула, что лая к горюхому» «Пусть сильнее грянет буря!». Для нас здесь особенно важно подчеркнуть, что Горький не просто провозгласил эту идею, он поднялся на новую ступень, выразив идею пролетариата.

Державский писал когда-то, в годы глухой реакции, в своем тюремном дневнике: «...Теперь, когда, быть может, на долгие годы все надежды похоронены в потоках крови, когда они распяты на виселичных столбах, когда много тысяч борцов за свободу томится в темницах или брошены в снежные тундры Сибири, — я горю. Я вижу огромные массы, уже приведенные в движение, распыляющие старый строй, — массы, в среде которых подготовляются новые силы для новой борьбы... Я горю тем, что и с нами, что и я их вижу, чувствую, понимаю и что я сам много выстрадаю вместе с ними. Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, но временам даже страшно... И, тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В этих прекрасных словах раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

Среди произведений, созданных советскими писателями, есть одно совсем небольшое по размеру, но достояние того, чтобы его называть в числе лучших, — так просто и ярко воплотило оно горюхую мысль: «...если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее точно так же, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость».

В эти прекрасные слова раскрылись с исключительной силой весь строй души человека, воспитанного пролетарской революцией, основной смысл новой социалистической этики. Именно эта этика породила новую эстетику, новое, социалистическое искусство. Видеть высшее удовлетворение, высшее личное счастье в том, что жизнь не проходит зря, что асия она отдава делу народа, делу коммунизма, — этому учили и «Мать» Горького, и поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», и «Как закалялась сталь» Николая Островского, и все лучшее произведение нашей литературы.

же, как начал». В № 11 журнала «Пионер» за 1945 год была похоронена опубликована сказка А. Гайдара «Горюхый камень».

Тот «горюхый камень», о котором рассказано в сказке Гайдара, — это волшебный камень, способный вернуть человеку молодость и дать ему возможность «начать жизнь сызнова». Камень этот был найден мальчиком Иваншкой, которому минуло восемь лет, и «жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе». Но Иваншка вспомнил о колхозном стороже, о котором, издававшим немалую гора старика, и рассказал о волшебном камне ему. Отсюда старик ударил по камню, и жизнь началась бы сначала. К удивлению Иваншки, старик отказался. И он рассказал Иваншке историю своей жизни. В этой жизни было действительно много тяжелого, но всю ее освещала мечта, что назвала Родина станет такой вот, как она сейчас, — могучей и великой». Мечта осуществилась. «...Этот же еще, глухой Иваншка, не счастлив? И на что же мне была жизнь? Другая молодость? Бога и моя промаша трудно, но ясно и честно?»

И вот конец этой сказки: «Была на той горе и я ознамен. Что-то у меня была неспокойная совесть, плохое настроение. А что, думаю, дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала?» Однако, постояв-постояв и во-время одумался.

«Э-э! — думаю, — скажут, увидя меня похоронившим, смеют: вот идет молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Такую сказку мог создать только советский писатель и только на горюхых путях литературы. Как много должно было произойти в истории, чтобы такой вид пришла старая «фантастическая» тема! И много должно было произойти в жизни, чтобы мальчик, рожденный в 1904 году в Арзамасе — в том самом Арзамасе, который казался в былые времена Горькому символом застойной, меланхолической, окуроченной Руси, — мог стать писателем и создать произведение такого пафоса! Для этого должна была родиться героическая армия большевиков, вся — от вождя своих до рядовых бойцов, — пронзавшая презрением к смерти во имя победы. Для этого на месте старой окуроченной Руси должна была вырасти великая социалистическая держава, в которой каждый человек осознавал себя «колхозником своей стубы», «колхозником своего счастья».

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Тот философский спор, который велся в литературе в прошлом веке, ведется и в наши дни между передовой литературой мира и литературой реакции. Нет ничего удивительного в том, что в Америке был поэт такой шум вокруг пьесы О'Нейла «Продавец льда грядет», в которой воспроецированы самые худшие, самые реакционные идеи Достоевского и в которой содержится прямая, демонстративная похвала Горькому, с его пьесой «На дне». Горький восклицал: «Человек — это великопечаль. Это звучит гордо!» О'Нейл называет человека «смесью грязи и навоза». Горький учил: «Ложь — религия рабов и козлов. Правда — бог свободного человека». О'Нейл доказывает, что люди не могут обойтись без лжи, что они слишком слабы и ничтожны, чтобы выдержать столкновение с правдой. Но главное в его пьесе — прямое оправдание ренегатства, «отречение» от грядущих «мрачных храмов» свободы (здесь только смелее эпитет: «хрустальные» на «мрачные»), а вся аргументация целиком заимствована из «Записок из подполья», «отречение» от лжи на том основании, что всякая борьба бессмысленна и беспечна, ибо грядет «продавец льда» — смерть.

Горький писал в одном из своих ранних произведений, что есть только две формы жизни — гниение и горение. Он замечал при этом: «Трусавые и жадные изобретут первую, мужественные и щедрые — вторую». Мы видим сейчас, на чьей стороне трусость и жадность и на чьей — мужество и душевная щедрость. И мы знаем, кому принадлежит будущее.

Журнал «Октябрь» (№ 6) печатал автобиографию Паши Ангелиной «Люди колхозных полей». Это — рассказ советского человека о себе, а следовательно, и о людях, в трудовом общении с которыми складывалась его жизнь. Путь Ангелиной — путь большого государственного деятеля; круг людей, с которыми она встречалась на этом пути, широк и разнообразен, и потому ее правдивый рассказ может быть с полным правом назван рассказом о времени и о себе.

В ее записках излагается история формирования и развития характера нового человека советской деревни, излагается просто и без прикрас, но сама эта история так увлекательна и вдохновляюща, что от книги невозможно оторваться.

Поблизко многим героям своей книги, Паши Ангелина с юных лет жила в труде, как активный борец за новое, вызванное социалистическим укладом нашего сельского хозяйства.

Первые страницы этой книги дают сжатую, но точную картину деревни конца 20-х годов. Жизнь молодой девушки была борьбой — борьбой с врагами колхозного строя, борьбой и за утверждение права на выбор своего пути в жизни.

Унаследованная от отца мечта «добиться до жирности земли, дать моей стране много золотистого зерна», дружба с книгой побуждают девушку рваться на передний край борьбы за хлеб. «Учусь, Пашенька, бог даст, учительской станешь, — совсела мать. — Последнее отдам, ничего не пожалею, только учись. Парень, им-то на тракторе работать сподручнее, но только не тебе. — Обидно было, что и мать не хотела понять меня».

В тридцатом году восемнадцатилетняя девушка становится первой в стране трактористкой. Два года спустя она организует первую в стране женскую бригаду. В тридцать пятом году об успехах бригады узнает Родина; смелый почин подхвачен во всех конных странах.

Когда простая крестьянская девушка стремилась к рулю трактора, она, конечно, не могла полностью понять огромный исторический смысл своего почина. Она только смутно угадывала непрочность, которые давали механизация обработки земли в борьбе за высокий урожай, и потому стала ярым приверженцем этой идеи.

Лишь впоследствии осознает она всю значительность избранной ею профессии. В юности она останавливается тогда у Ленинского мавзолея.

«Ленин! — Он мечтал о ста тысячах тракторов для России. Не знала я об этой ленинской мечте, когда весной традиционного года впервые села за руль трактора, но сердцем чувствовала ленинскую мечту...»

Должно быть, и сильно волновалась, потому что люди со стороны смотрели на меня с удивлением. Но ведь я совсем тихо, неслышно для окружающих сказала: — Владимир Ильич! Смыслы ваша мечта!»

И в дальнейшем, уже не стихийным приверженцем нового, а сознательным его пропагандистом и неутомимым борцом за него пошла Паши Ангелина по трудному и радостному пути строительства социалистического сельского хозяйства, поддерживаемая твердой рукой партии, одобряемая ласковым словом великого Сталина.

Роль смелого новатора, зачинательницы массового движения трактористок, сама по себе столь значительна исторически, — если оценить ее с точки зрения последующего опыта и особенно опыта военных лет, — что будь у Паши Ангелиной только эта заслуга перед Родиной, и то ее имя навсегда сохранилось бы в истории строительства нового общества. В умной памяти народа, помнящей все хорошее, благодарно хранится имя тех, кто когда-либо вносил первый вклад в общенародное дело, даже если этот вклад был потом незначительно превзойден последователями. Мы с благодарностью вспоминаем имена многих женщин-крестьянок, пионерок того или иного движения, чьи рекорды или мечты ныне уже не являются исключительными. Имена этих женщин — слава и гордость нашей колхозной деревни.

Имя Паши Ангелиной — не только прошлое, но и настоящее. Она не остановилась, — около двадцати лет она неустанно

но шлет, совершенствуясь в творчестве новых форм жизни. В 1935 году Ангелина дала от имени бригады личное обещание товарищу Сталину выработать по 1200 гектаров на тракторе и выработать по 1225 гектаров. В 1938 году бригада Ангелиной выработала по 2700 гектаров, и по всей стране звучит призыв ее бригады: «Остатки подруг, — на трактор!», — призыв, на который откликнулись 200 тысяч женщин. В годы войны в далеком Казахстане ее бригада ведет борьбу за высокий урожай, и колхоз получает невиданные в этих краях 30 центнеров с гектара. Этим далеко не исчерпывается список побед неутомимой бригады и ее организатора, побед, из которых наиболее трудно добытой и, может быть, самой героической была победа на разоренной немцами старо-беленской земле в засушливое лето сорок шестого года.

Автобиография повсюду до февраля текущего сорок восьмого года. Она заканчивается отчетным собранием колхоза. В результате сознательного напряженного труда достигнут еще один славный рубеж. Колхоз снова, как в былые, довоенные годы, стал богатейшим колхозом на Украине. И с высоты достигнутого настоящего, перед взором колхозников их руководитель Дмитрий Коссе развешивает заманчивую перспективу завтрашнего дня.

Как бы сегодня Горький, неутомимый апостол нового, поразился появлению такой книги, как «Люди колхозных полей»! Массовый трудовой героизм колхозниц — яркое свидетельство того, что они глубоко поняли и оценили освободительную силу колхозного строя. Из среды женщин ныне выходят уже не только преданные люди, влеченные все силы, всю душу в укрепление нового строя, но, подобно Ангелиной, — вожди, те, кто ведет и воспитывает других.

Наша художественная литература пока не сумела запечатлеть этот уже утвердившийся в советской деревне характер. Писатели,

